

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XII _ nr. 1-2

CHIȘINĂU 2016

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Larisa Ciobanu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Studiile și articolele din acest volum au fost supuse recenzării, discutate în cadrul Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural și recomandate pentru publicare de către Consiliul Științific al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, proces-verbal nr. 08 din 29 septembrie 2016

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

Сергей Вальчак

Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе

Keywords: bronz helmets, preScythian period, Northern Caucasus, Kimmerians, chronology, morphology

Cuvinte cheie: coifuri de bronz, perioada prescitică, Caucazul de Nord, cimerienii, morfologie, cronologie

Ключевые слова: бронзовые шлемы, предскифский период, Северный Кавказ, киммерийцы, морфология, хронология.

Sergei Val'chak

Bronze forged helmets of the preScythian period on Caucasus

In article maximum full information on finds of bronze helmets known now "assyrian" or "kimmerian" type is collected. On the basis of the received data the general and especial details of a design of helmets are analyzed, technological process of their manufacture is reconstructed, elements of design some of them are examined. Besides the basic questions on an origin and chronology analyzed helmets are discussed. As a result of the lead analysis cited the additional data on dependence of helmets of Northern Caucasus from helmets – prototypes of Urartu and Assyria, dating helmets by a late stage of the preScythian period, not earlier than 714 BC proves to be true, their belonging historical Kimmerians is proved.

Sergei Val'chak

Coifurile de bronz forjate din perioada prescitică în Caucaz

În articol este prezentată informația cea mai completă pentru momentul de față cu referire la descoperirile de coifuri de bronz de tip „asirian” sau „cimerian”. Pe baza datelor acumulate sunt analizate detaliile comune și cele particulare în confecționarea coifurilor, este reconstituit procesul tehnologic de producere a lor, se examinează elementele de decor a unora dintre piese. În afară de aceasta, sunt puse în discuție problemele de bază despre originea și cronologia coifurilor examinate. Drept rezultat al analizei efectuate, sunt furnizate date adăugătoare despre influența asupra coifurilor din Caucazul de Nord a coifurilor-prototipuri din Urartu și Asiria, este confirmată datarea coifurilor în etapa târzie a perioadei prescitică, nu mai devreme de anul 714 a.Chr., este demonstrată apartenența lor cimerienilor istorici.

Сергей Вальчак

Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе

В статье собрана максимально полная информация об известных в настоящее время находках бронзовых шлемов «ассирийского» или «киммерийского» типа. На основании полученных данных анализируются общие и особенные детали конструкции шлемов, реконструируется технологический процесс их производства, рассматриваются элементы орнаментации некоторых из них. Кроме того, дискутируются основные вопросы о происхождении и хронологии анализируемых шлемов. В результате проведенного анализа приводятся дополнительные данные о зависимости шлемов Северного Кавказа от шлемов-прототипов Урарту и Ассирии, подтверждается датирование шлемов поздним этапом предскифского периода, не ранее 714 г. до н.э., доказываются их принадлежность историческим киммерийцам.

Бронзовые кованые изделия, получившие в археологической литературе наименования: шлемы «ассирийского» или «ассиро-урартского типа», «передневосточные» или «киммерийские шлемы», являются одной из довольно ярких находок в памятниках предскифского времени на юге Восточной Европы. Шлемы эти имеют конусовидную форму верхней части, тулья в нижней части расширяется, где ей придана полусферовидная или полуэллиптическая форма, повторяющая форму головы. У всех шлемов имеются уши. Такие шлемы упрощенно и условно будут именоваться шлемами «киммерийского типа» или «киммерийскими шлемами».

Приведу сведения об известных находках этих шлемов.

1. Шлем, скроенный из двух бронзовых листов, был найден в результате грабительских раскопок на могильнике Фаскау, близ селения Галиат, в отрогах Дигорского ущелья (Северная Осетия) и впервые опубликован П.С. Уваровой [Uvarova 1900, 277; Rabinovich 1941, 104-105, рис. 1; Kuftin 1949, 141, рис. 25a]. Он частично фрагментирован в нижней части тульи в области венца, уши не сохранились (рис. 1,1). Относительно недавно фото и рисунок современного состояния шлема из Фаскау были вновь опубликованы. Сохранившаяся высота шлема 27,5 см

(реконструируемая 28,5 см), диаметр 23,5 см. Скроен он из двух бронзовых листов различной ширины (толщиной не более 0,6 мм), которые были скреплены бронзовыми скобами (длиной 1,3-1,7 см, шириной 2-4 мм). На сохранившихся участках нижней части тульи (венца) имеется несколько отверстий диаметром 3-5 мм, которые расположены на расстоянии 9-10 мм друг от друга. На одной из сторон, в средней части тульи у шва, ниже второй сверху скобы, на покрывающем конце листа имеется сквозное отверстие. Ещё одно отверстие находится на венце тульи, на том же крае листа, у верхней части нижней скобы [Ivanchik, Moshinskii 2001, 287-288, fig. 1; 2].

2. Находка фрагментов подобного же шлема у села Приморское (бывш. Петропавловское) в Абхазии (рис. 1,2). Края листа были скреплены скобами (сохранились три из них). Высота шлема около 30 см [Ivanchik 2001, 230-232; Ivanchik, Moshinskii 2001, 293-294, Fig. 5]. Вместе с фрагментами шлема были случайно найдены и другие бронзовые вещи, которые представляли собой инвентарь не менее двух разрушенных погребений [Strazhev 1926, 106-107, 112, no.26; Kuftin 1949, 139, 141, Tabl. X,9], поэтому, контекст находки не достоверен [Val'chak, Skakov 2003, 118-119].

3. В 1936-1940 гг. Б.А. Куфтин проводил раскопки в Грузии, в том числе, и могильника у с. Бешташени. В погребении 13 среди многочисленных находок различных категорий из бронзы, кости и керамики (детали конского снаряжения, оружие, украшения и сосуды) был найден в буквально расплюсненном виде и шлем с наушами, изготовленный из бронзового листа (рис. 1,3). Это был первый факт обнаружения шлема рассматриваемого типа в достоверном контексте других археологических находок. Детальное описание комплекса, как и самого шлема, его прорисовка в публикации исследователя отсутствуют, а форма сплюсненного давлением земли шлема угадывается только по общей фотографии погребения [Kuftin 1941, 68, Tabl. XL]. Не проясняют деталей формы и конструкции шлема и сведения А.И. Иванчика, осматривавшего, по его заявлению, фрагмен-

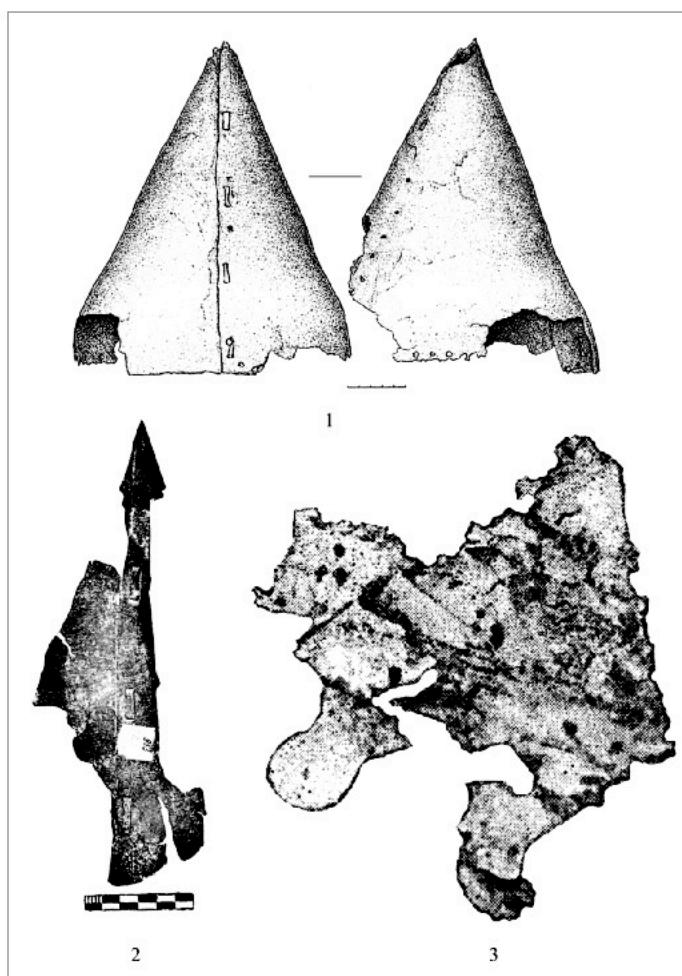

Рис. 1. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- Фаскау (Ivanchik, Moshinski 2001); 2- Приморское (Куфтин 1949); 3- Бешташени, погребение 13 (Куфтин 1941).

Fig. 1. Bronze "kimmerian helmets". 1- Faskau (Ivanchik, Moshinski 2001); 2- Primorskoe (Куфтин 1949); 3- Beshtasheni, burial 13 (Куфтин 1941).

ты шлема в Музее Грузии в Тбилиси [Ivanchik, Moshinskii 2001, 300].

4. Ещё один шлем был найден в 1987 г. в разрушенном погребении могильника Клиньярь III в Кисловодске (рис. 2,1). Кроме шлема с наушами здесь был найден меч с железным клинком и бронзовой рукоятью, два железных длинновтульчатых наконечника копья и бронзовая орнаментированная пластина – «пектораль», являющаяся, по мнению некоторых исследователей, украшением конского нагрудника [Makhortykh, Chernenko 1995, 21-28; Val'chak, Skakov 2003, 114-120], по мнению других – частью воинского доспеха [Kozenkova 1995, 96, 97; Belinskii, Dudarev 2013, 202-204]. Судя по

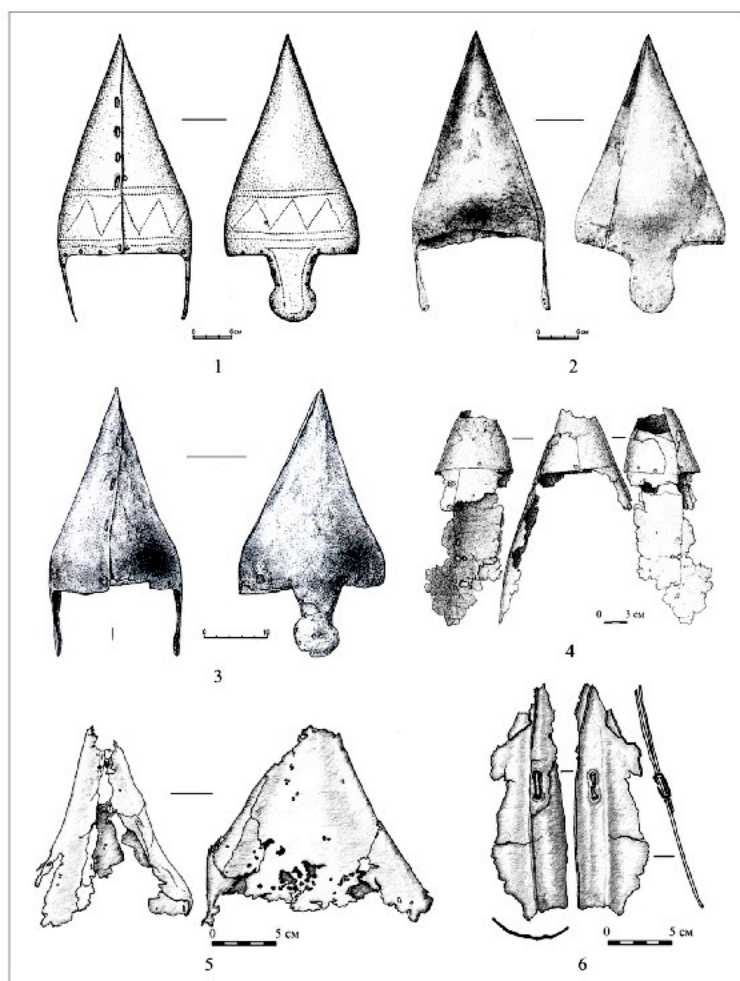

Рис. 2. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- Клин-Яр III, 1987 г. (Дударев 2011); 2- Клин Яр III, погребение 186 (Дударев 2011); 3- Нарзанный-2, погребение 1 (Белинский, Дударев 2013); 4- Фаскау (Ivanchik, Moshinski 2001); 5- Заюково (рис. С.Б. Вальчака); 6- Заюково (рис. С.Б. Вальчака).

Fig. 2. Bronze "kimmerian helmets". 1- Klin Yar III, 1987 (Дударев 2011); 2- Klin Yar III, burial 186 (Дударев 2011); 3- Narzanny-2, burial 1 (Белинский, Дударев 2013); 4- Faskau (Ivanchik, Moshinski 2001); 5- Zaiukovo (S. Val'chak's fig.); 6- Zaiukovo (S. Val'chak's fig.).

описанию, шлем был скроен из двух листов бронзы толщиной около 1 мм [Dudarev 1991, 53; Ivanchik 2000, 210], но приводимые в публикациях иллюстрации и осмотр мною реставрированного шлема в витрине Кисловодского музея в 2000 году не дают возможности уверенно утверждать это. Обычно воспроизводится в иллюстрациях один шов с пятью скрепляющими скобами. Общая высота шлема (с наушами) 44 см, максимальный диаметр 20,5 см. Шлем имеет не менее 18 отверстий по краю венца и по

краю наушей, которые служили для крепления подшлемника из органических материалов. В средней части тульи у шва, близ четвертой сверху скобы, на подлежащем конце листа имеется отверстие. Ещё одно, выпадающее из линии других, находится у края тульи, близ нижней скобы [Dudarev 1991, 52, 53, Tabl. 8,15,17; 1999, 162-164, ris. 122-126; Berezin, Dudarev 1999, 194-195, Abb. 7,8]. Отличительной особенностью этого шлема является геометрический орнаментальный фриз в нижней части тульи и орнамент на наушах, выполненные в пуансонной технике. Орнамент сделан чеканом с округлым наконечником с внутренней стороны шлема. Деталей конского снаряжения среди находок не оказалось, что, учитывая состав других воинско-всаднических комплексов со шлемами и «пекторалиями», представляется странным. Не исключено, что удила и псалии, обычные составляющие наборов конской сбруи, были утрачены при частичном разрушении погребения.

5. Аналогичный шлем с наушами, но без орнамента, был найден в 1988 г. в погребении 186 могильника Клин-Яр III (рис. 2,2). Кроме того, в этом комплексе обнаружены: бронзовый уздечный набор, состоявший из удила, псалиев и бляшек-украшений, положенных внутрь шлема, биметаллический кинжал, железный наконечник копья, железный ножик и каменный оселок [Belinskii 1990, 190-195, ris. 1-3]. Шлем был свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 1 мм, края которого перекрывают друг друга на 1,15 см и сшиты четырьмя скобами шириной 3 мм. Высота тульи 31 см, по венцу тульи и в наушах пробиты 24 парных отверстия диаметром 3 мм. Расстояние между отверстиями в паре 7 мм, между парами – 2,8-2,9 см. Размеры наушей несколько разнятся. Их ширина у основания (у венца тульи) 10,3 и 10 см, в средней части – 6, в нижней (округлой) – 6,6 см [Belinskii 1990, 190]. До недавнего времени это был единственный абсолютно достоверный археологический комплекс со шлемом на Север-

ном Кавказе, тщательно зафиксированный археологически, который может считаться отправной точкой для хронологических построений и датировки самих шлемов.

6. Находка практически аналогичного шлема в богатом погребальном комплексе воина-всадника, погребении 1 могильника «Нарзанный 2» в Кисловодске была опубликована недавно (рис. 2,3). В погребении находились биметаллический кинжал с бронзовым наконечником ножен, железный наконечник копья с длинной втулкой, железный молоток, набор костяных и бронзовых наконечников стрел, бронзовые удила и псалии, бронзовая пектораль, каменный оселок, украшения узды и костюма из бронзы, железа и золота, глиняные орнаментированные сосуды [Belinskii, Dudarev 2013, 181-216, fig. 1-29]. Шлем был свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 1-1,5 мм, края которого перекрывают друг друга и сшиты четырьмя скобами. Науши и тулья, как и у описанных выше, были вырезаны из одного листа. Общая высота шлема (с наушами) 43,2 см, длина наушей 12 см, диаметр шлема по венцу тульи 21,2 см. В нижней части тульи (по венцу) и наушах нерегулярно пробиты 30 парных отверстий диаметром около 2-3 мм, изначально их было чуть больше. Ширина наушей у основания (у венца тульи) 8 см, в средней части (максимально узкой) около 4,5, в нижней (округлой) – около 7-7,5 см. В центре округлой части наушей горизонтально расположены по два отверстия диаметром около 0,4-0,5 см, а в средней части тульи, на уровне перехода в коническую вершину, «на затылочной части»(?) также имеются два аналогичных отверстия [Belinskii, Dudarev 2013, 187-188, fig. 17; 18].

7. Фрагменты ещё одного шлема были определены А.П. Мошинским в фондах ГИМ, тогда же исследователь предположил, что шлем происходит из коллекции В.И. Долбежева и был найден в 1887 г. в окрестностях селения Чми. Дальнейшие изыскания показали ошибочность этой версии, ныне А.П. Мошинский считает его второй находкой шлема на могильнике Фаскау в Северной Осетии¹. Тулья сильно фрагментирована, средняя и нижняя части практически не сохранились (рис. 2,4). Шлем принципиально отличается от упомянутых выше особенностями

своей конструкции, он склёпан из трёх отдельных листов внахлест, но полностью детали его формы восстановить не представляется возможным. Два листа по вертикали сшиты заклёпками, а не скобами, как обычно, третий наклонно охватывал их по спирали и образовывал вершину тульи. С нижележащими листами он также был соединён заклёпками. Общая толщина трёх наложенных друг на друга пластин не превышает 4 мм. Наложение двух нижних листов внахлест на одном из швов – до 1 см, на другом – 7 см. Третий лист у вершины шлема имеет наложение внахлест до 5,7 см. Сохранившаяся высота шлема 27,5 см (реконструируемая – 32 см). Сохранившийся диаметр 21,5 см (реконструируемый – более 23 см). Нижняя часть тульи разрушена, нет возможности установить изначальное наличие или отсутствие наушей. В средней части тульи, у шва, имеется отверстие, расположенное близ него и не входящее в систему крепления частей шлема. Контекст находки остаётся неясным [Ivanchik 2000, 203-204; Ivanchik, Moshinskii, 2001, 288-292, fig. 3,4]. Можно предположить вероятность ремонта верхней части этого шлема в древности, при помощи наложения третьей пластины.

В последние 15 лет мне стали известны находки ещё нескольких экземпляров шлемов «киммерийского типа» различной степени сохранности. Все они были найдены в результате грабительских раскопок, хранятся в различных частных и государственных коллекциях России и других стран. Их фото и описания были собраны мною в коллекциях и на различных Интернет-сайтах, соответственно, не всегда отличаются полнотой и качеством информативности.

8. На могильнике «Зауково-3» в Кабардино-Балкарии при грабительских раскопках был найден шлем, близкий по деталям изделиям из Клин-Яра. На это, по мнению С.Л. Дударева, указывают «характер тульи, конфигурация нащёчников (наушей – С.В.), способ крепления бронзового листа, расположение отверстий для крепления подшлемника» [Dudarev 2011a, 10-11, fig. 7; 8]. Шлем известен по опубликованным фотографиям без масштаба, детальное описание и промеры отсутствуют, нижняя часть тульи разрушена, но имеются фрагментированные наушы (рис. 3,1-2). Характеризуя собранные на могильнике разноо-

1. Пользуюсь случаем выразить признательность А.П. Мошинскому за устное сообщение в мае 2016 г.

Рис. 3. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1,2- Заюково (Дударев 2011а); 3- КШ-1; 4,5- КШ-2: вид до и после реставрации; 6,7- КШ-3: фрагменты шлема и деталь. (3,6,7- фото С.Б. Вальчака; 4,5- фото из Internet).

Fig. 3. Bronze "kimmerian helmets". 1,2- Zaiukovo 3 (Dudarev 2011a); 3- KH-1; 4,5- KH-2: a kind before and after restoration; 6,7- KH-3: fragments of a helmet and a detail. (3,6,7- S.Val'chak's photo; 4,5- a photo from Internet).

бразные находки, где были разграблены более 120 погребений, С.Л. Дударев вполне справедливо сомневается в их комплексности и отношении к шлему, что и подтверждают приведенные исследователем вещи, аналогии и датировки [Dudarev 2011a, 9, 11-15; Belinskii, Dudarev 2013, 181]. Шлем этот происходит из сборов краеведа В.Н. Котлярова и, по его сведениям, здесь было обнаружено «около 10 шлемов» [Dudarev 2011a, 10, 17], но неясно каких, поскольку время существования памятника Заюково-3 охватывает период около тысячелетия. В последние годы на территории

могильника из отвалов грабительских раскопок были собраны многочисленные мелкие бронзовые изделия и фрагменты листовой бронзы, среди которых определены части сосудов, боевых поясов и двух шлемов «киммерийского типа», которые были переданы в коллекцию ГИМ в Москве, где и удалось их изучить².

9. Фрагмент одного из шлемов (второго) из могильника Заюково-3 (ГИМ 2107/24/4) пред-

2. Пользуюсь случаем выразить признательность сотруднику отдела археологии ГИМ А.А. Кадиевой за предоставленную возможность детального изучения коллекции.

ставляет собой небольшую часть вершины тульи (рис. 2,5). Сохранились остатки одного или двух(?) раскованных бронзовых листов, наложенных внахлест друг на друга, и одна скрепляющая их скоба. Высота фрагмента составляет 18,4 см, ширина – до 6 см. Толщина нижнего листа бронзы составляет 1-2 мм, верхнего – 1-1,4 мм, что в известных мне случаях является рекордным показателем (обычно около 1 мм). Правая часть нижнего (более толстого) листа имеет неровную, но достаточно четкую грань, свидетельствующую именно об его вырубании из более крупного листа. Левая часть верхнего (более тонкого) листа отличается аналогичной характеристикой. После наложения внахлест шов был прокован, отчего в нижнем листе образовался вертикальный желобок-уступ (шириной 3-5 мм) от вдавливания края верхнего листа. Листы (или один лист) были соединены скобами, одна из которых сохранилась на фрагменте шлема, длина её с внешней стороны – 2 см. Для этого скрепления, в наложенных друг на друга листах или краях одного листа, с внешней стороны шлема, были пробиты по вертикали два отверстия, около 0,3-0,4 мм диаметром. До этого была отдельно вырублена (орудием, сходным с зубилом) из листа бронзы прямоугольная заготовка скобы (ширина 0,4 мм, толщина около 1-1,1 мм, длина заготовки – 4,5-5 см) с заостренными треугольными концами. Заготовке скобы придана П-образная форма под размер расстояния между отверстиями, что рассчитывалось заранее, после чего скобу вколачивали в отверстия налегающих краёв бронзового листа, следы этого вколачивания небольшим ударным инструментом (небольшой прогиб верхнего листа вовнутрь) отчетливо прослеживаются на внешней стороне фрагмента шлема. Плотно входящие в близкие по размерам отверстия в листах бронзы края скобы обеспечивали жесткое и надежное крепление. Слегка прогибая эти листы внутрь, скобы обеспечивали прочное (локально-плоскостное) крепление всего шва, более надежное, чем заклёпки, являющиеся точечными соединениями. Заключительной операцией являлось загибание концов скобы внутри шлема ударами инструмента (молотка) на относительно длинной рукояти, что завершало основной процесс производства всего объёмного изделия. Контекст находки неизвестен.

10. Ещё один шлем из могильника Заюково-3 (ГИМ 2107/23) был также собран из мелких

фрагментов и восстановлен в ГИМ. Сохранилась лишь часть тульи шлема без вершины и нижней части (рис. 2,6). Высота сохранившейся части составляет около 14-15 см, нижний абрис овальной формы – около 21x15 см, толщина бронзового листа – 0,5-0,6 мм. Шлем изготовлен из одного листа бронзы. Шов в месте наложения листа не сохранился (эта часть восстановлена реставратором), но в верхней части тульи заметен выступающий над внешней поверхностью фрагмент бронзового стержня, который можно считать остатком заклёпки(?). Коническая форма шлема, толщина листа и вероятные остатки заклёпки позволяют предполагать его принадлежность к изделиям предскифского периода. Контекст находки неизвестен.

Все шлемы из грабительских раскопок лишены контекста, но уже составляют внушительную серию в рассматриваемой здесь совокупности. Практически все они были найдены в раздавленном и частично фрагментированном виде, часть из них реставрирована. Тем не менее, они являются интересными изделиями рассматриваемой эпохи, которые добавляют сведения для классификационных и технологических заключений.

11. Киммерийский шлем-1 (далее: КШ-1 и т.д.). Шлем в раздавленном виде будто бы найден в кургане вместе с вещами других категорий из бронзы и железа. Имеются косвенные и недостоверные данные, что он происходит из предгорных или горных районов восточной части Краснодарского края.

Шлем свёрнут из одного бронзового листа толщиной в 0,9-1 мм, края которого перекрывают друг друга на 3 см и скреплены четырьмя заклёпками с округлыми шляпками, которые расположены по шву неравномерно, одна – у венца тульи, вторая – в верхней части её расширения, две верхние – близ конической вершины шлема (рис. 3,3). Пик конической вершины утрачен. Высота сохранившейся части тульи (без наушей) 26 см, реконструируемая высота шлема от основания тульи до вершины 28 см. Нижняя раскованная часть тульи имеет максимальный диаметр по краю, размерами 20,5x21,5 см. Некогда шлем имел цельнокроенные наушы, которые не сохранились. Ширина правого науша у основания, судя по сохранившимся его остаткам, составляет 5 см, левого – не восстанавливается, т.к. здесь утрачена

и нижняя часть тульи. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и неровно пробиты 16 парных отверстий и 3 одинарных между парами, на расстоянии около 1 см выше края тульи. Диаметр отверстий 3-4 мм, расстояние между отверстиями в паре 1-1,5 см, между парами расстояние нерегулярно. Отверстия были пробиты и по краю наушей.

В 10 см выше края тульи на противоположной шву стороне, на расстоянии около 1 см друг от друга пробиты два отверстия, расположенные горизонтально. Ниже их и со смещением в правую часть шлема, чуть ниже ряда отверстий на венце имеется ещё пара отверстий. Со стороны шва на 1 см ниже и близ вершины тульи, выше верхней заклёпки пробита ещё одна пара горизонтальных отверстий. Контекст находки неизвестен.

12. Киммерийский шлем-2 (КШ-2) известен мне только по фотографиям с масштабной линейкой. Место находки – Северный Кавказ, возможно, предгорные или горные районы востока Краснодарского края. По форме он совпадает с описанными выше, свёрнут из одного бронзового листа, который был скреплён прямоугольными скобами, две из которых сохранились. Нижняя часть тульи сохранилась очень плохо, но можно заметить фрагменты одного из наушей с отверстиями по краю (рис. 3,4-5). Науши были выкроены из одного бронзового листа с тульей. Высота от основания тульи – не менее 30 см. Остальные параметры достоверно реконструировать не представляется возможным. На одной из фотографий вместе с фрагментами шлема присутствует бляшка-лунница, украшенная семью выпуклыми дисками. Возможно, она найдена в том же комплексе, остальной контекст неизвестен.

13. Киммерийский шлем-3 (КШ-3). Место находки – Северный Кавказ, возможно, предгорные или горные районы востока Краснодарского края. Фактически представляет собой фрагменты двух половин одного бронзового листа, из которого и был выкроен вместе с наушами (рис. 3,6). Бронзовая пластина была скреплена внахлест четырьмя скобами прямоугольной формы и сечения. Скобы имели 1-1,5 см в длину и около 0,3 см в ширину. Сохранились три скобы, от места крепления второй от основания тульи остались только отверстия в тулье шлема. Толщина бронзового листа шлема 0,5-0,7 мм. Высота сохранившейся части тульи от края венца 29

см, вместе с овальными по вертикали наушами – 38,5 см. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и неровно пробиты не менее 22 отверстий неправильной округлой формы на расстоянии около 0,3-0,5 см выше края тульи. Диаметр отверстий 3-6 мм, расстояние между отверстиями около 0,5-1,5 см. Такие же неправильной формы отверстия были пробиты и по краю наушей, сохранилось 14 и 20 отверстий, соответственно.

Шлем этот имеет ряд особенностей, на которых стоит остановиться подробнее. Во-первых, нижний край тульи при переходе его в наушы, с обеих сторон рельефно выделен плавным уступом от внешней поверхности шлема к внутренней, отделяя общий объём поверхности тульи шлема от вертикальной плоскости наушей. Края основания наушей в горизонтальной плоскости отделены от нижней части тульи небольшими, но заметными в плане угловыми выступами, расположенными под рельефными уступами (рис. 3,6-7). Выше рельефного уступа, у концов основания наушей и в ряду отверстий по краю тульи, с внешней стороны горизонтально пробиты по два отверстия подпрямоугольной формы, размерами около 0,5x0,3 см. Аналогичные отверстия пробиты и в максимально расширенной округлой части наушей, отступая к середине этой части от отверстий по краю. Можно предположить, что более крупные отверстия имеют отношение к совершенно другому аксессуару мягкой подложки шлема, чем мелкие отверстия по основанию венца, которые, несомненно, относятся к системе крепления подшлемника. Вполне вероятно, что крупные отверстия могли быть связаны с креплением подбородочного ремня, который фиксировал шлем на голове воина в боевом положении. Рельефные уступы позволяют предположить, что этот северокавказский кованый из тонкой листовой бронзы экземпляр копирует некие образцы, возможно литые, в которых тулья шлема и наушы изготавливались отдельно, следовательно, крепление наушей к тулье шлема-прототипа отчётливо выделялось визуально в плане и профиле. Крупные отверстия у венца и на наушах вполне могли повторять систему крепления подбородочного ремня и подшлемника у шлемов-прототипов. Во-вторых, на той стороне шлема, где два края пластины были соединены внахлест, есть несколько примечательных отверстий, расположен-

ных в разных планах. В середине тульи, вдоль шва, в нижнем крае бронзового листа по вертикали пробиты три отверстия. В перекрывающем крае листа, на уровне верхнего из них, имеется ещё одно около 0,5 см в диаметре. Несколько ниже, в перекрывающем (верхнем) крае листа имеется такое же отверстие. В ряду отверстий по венцу тульи, слева от шва пробиты два отверстия, которые крупнее остальных, а в 0,5 см выше их имеется ещё одно малое отверстие. По всей вероятности, к креплению подшлемника или краёв листа эти отверстия отношения не имеют. Контекст находки неизвестен.

14. Киммерийский шлем-4 (КШ-4) известен только по нескольким безмасштабным фотографиям. Вероятно, происходит с Северного Кавказа. По форме он практически не отличается от описанных выше шлемов (рис. 4,1). Свёрнут из одного бронзового листа, который сшит четырьмя бронзовыми прямоугольными скобами. Отверстия по краю венца тульи и наушей располагались парами и сохранились плохо. В середине расширенной округлой части наушей имеется одно круглое отверстие, очевидно для крепления подбородочного ремня. Контекст находки неизвестен.

15. Киммерийский шлем-5 (КШ-5) известен по безмасштабной фотографии очень плохого качества (рис. 4,2). Место находки неизвестно, скорее всего – Северный Кавказ. По форме шлем не отличается от остальных. Свёрнут из одного бронзового листа, способ соединения краёв листа неизвестен. В средней части тульи на гладкой стороне имеется два горизонтальных отверстия. Науши отломаны и имеют парные отверстия по краю. Количество отверстий по краю тульи остались неизвестно. Контекст находки неизвестен.

16. Киммерийский шлем-6 (КШ-6) известен только по двум безмасштабным фотогра-

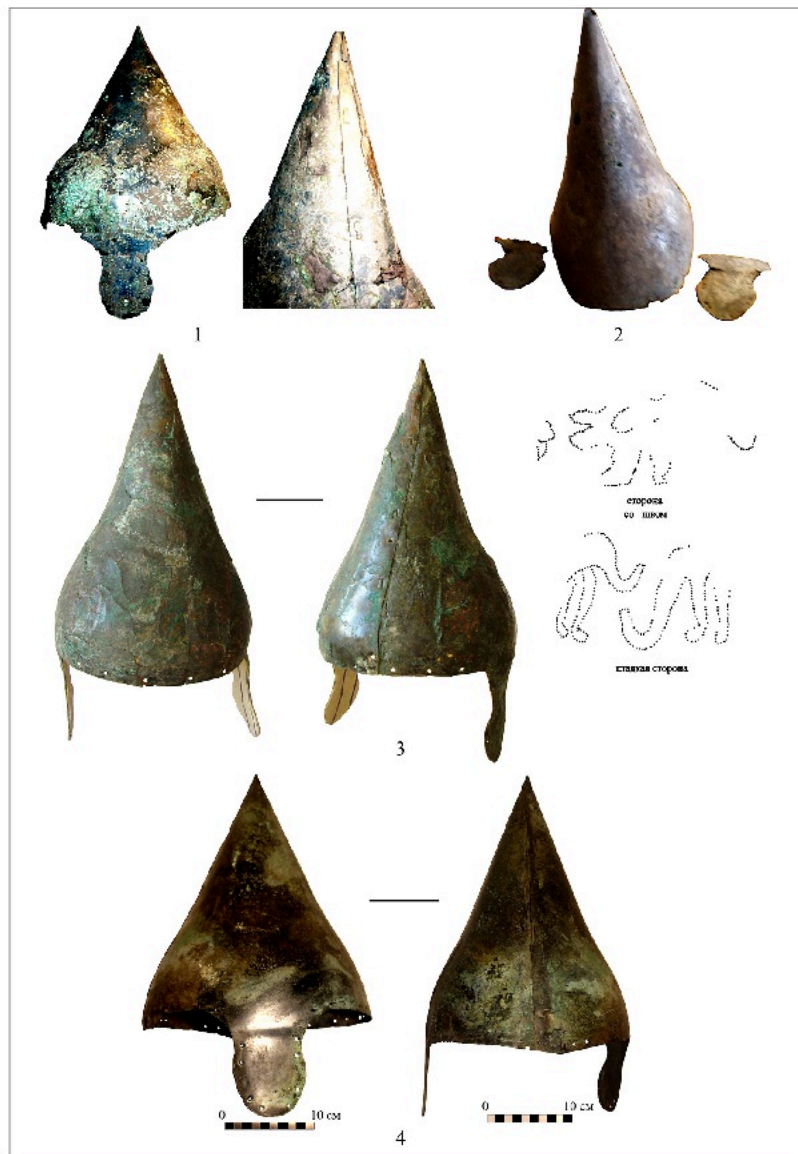

Рис. 4. Бронзовые «киммерийские шлемы». 1- КШ-4: вид шлема и деталь; 2- КШ-5; 3- КШ-6: вид шлема и прорисовка орнамента; 4- КШ-7. (1,2,3- фото из Internet, прорисовка С.Б. Вальчака; 4- фото С.Б. Вальчака).

Fig. 4. Bronze "kimmerian helmets". 1- KH-4: a kind of a helmet and a detail; 2- KH-5; 3- KH-6: a kind of a helmet and a portrayal of an ornament; 4- KH-7. (1,2,3- a photo from Internet, S. Val'chak's portrayal; 4- S. Val'chak's photo).

фиям (рис. 4,3). Место находки неизвестно, скорее всего – Северный Кавказ. По форме шлем не отличается от остальных. Свёрнут из одного бронзового листа, края которого соединены четырьмя (сохранилось три из них) прямоугольными скобами. По краю венца тульи равномерно пробито не менее 14 отверстий, наличие и характер отверстий на наушах неизвестны. В средней части тульи, со стороны шва (между

средними скобами) имеется отверстие. Отличительной особенностью этого шлема является орнаментальный фриз на тулье. Как удалось рассмотреть на фотографиях, здесь в пуансонной технике изображены два фантастических животных – «гвери», повернутые головами друг к другу. Голова одного из них пересекает линию шва. Изображение «гвери» является характерным для искусства кобанской культуры раннего железного века Кавказа. Орнамент сделан чеканом с округлым наконечником с внутренней стороны шлема. Контекст находки неизвестен.

17. Киммерийский шлем-7 (КШ-7). Место находки – Северный Кавказ. Был выкроен вместе с наушами из одного бронзового листа (рис. 4,4). Бронзовая пластина была скреплена внахлест четырьмя скобами прямоугольной формы и сечения, верхний край перекрывает нижний на 1,5-2 см. Скобы имели разные размеры: 1,5-2,5 см в длину и около 0,7-0,8 см в ширину. Две скобы смещены к вершине, одна в середине и одна у венца тулова. Толщина бронзового листа шлема 0,8-0,9 мм. Высота сохранившейся части тульи от края венца 26 см, вместе с наушами – 36 см. В нижней части по венцу тульи с внешней стороны шлема горизонтально и попарно пробиты 20 отверстий округлой формы на расстоянии около 0,8 см выше края тульи. Расстояния между отверстиями и их парами неравномерны. Диаметр отверстий 4-5 мм. Такие же парные отверстия были пробиты и по краю наушей, по 10 отверстий на каждом. На венце у шва сделаны ещё два непарных отверстия. Ширина наушей у основания 7 см, в узкой части – 5,5 см, в округлой нижней части – 6,5 см.

Нижний край тульи при переходе его в наушы, с обеих сторон рельефно выделен плавным уступом от внешней поверхности шлема к внутренней, отделяя общий объём поверхности тульи шлема от вертикальной плоскости наушей, как и у КШ-3 (№13). На одной из боковых сторон шлема, у основания науша (в месте древних надломов) были пробиты по два узких прямоугольных отверстия, в которые были вставлены небольшие скобы (одна из них сохранилась) – следы древнего ремонта. Контекст находки неизвестен.

18. Киммерийский шлем-8 (КШ-8). Имеются косвенные свидетельства, что он был найден в районе Кавказских Минеральных вод. В

момент находки шлем представлял собой расплющенный и изогнутый монолит фрагментов листовой бронзы, при разборе которого были выявлены и фрагменты «пекторали» из бронзового листа толщиной 1,5-2 мм. По форме он совпадает с описанными выше, свёрнут из одного бронзового листа, который был скреплён четырьмя прямоугольными скобами (рис. 5,1-2). Размеры скоб – около 2-2,5 см в длину и 0,5 см в ширину. Края листа перекрывают друг друга на 1 см. Толщина листа 1-1,2 мм. Высота от основания тульи около 30 см (без наушей). Нижняя часть тульи сохранилась очень плохо, но среди её фрагментов имеются и основания цельнокроеных наушей с отверстиями по краю. Остальные параметры, количество и характер расположения отверстий по окружности венца достоверно реконструировать не представляется возможным.

Со стороны шва на крупном фрагменте у края излома прослежены остатки двух горизонтально расположенных отверстий, находившихся в средней части тульи, как и у некоторых других шлемов. На этом же фрагменте выше венца, перпендикулярно пересекая линию шва и нижнюю из скрепляющих его скоб, горизонтально расположена ещё одна скоба, спинка которой не прилегает к поверхности шлема (рис. 5,2). При сопоставлении с фрагментами «пекторали», пара верхних отверстий в её центральной части точно совпала с отверстиями в средней части тульи шлема, а горизонтальная скоба шлема – с разрушенным отверстием фрагмента нижней части «пекторали». Создаётся впечатление, что эти изделия были совмещены, цвет окислов на шлеме в месте прилегания листа «пекторали» несколько отличается от окружающей поверхности (рис. 5,3). Остальной контекст находки неизвестен.

19-21. Среди некоторых неясных находок в литературе упоминаются три бронзовых шлема из погребения в кургане 1 близ с. Арчадзор в Нагорном Карабахе, который был раскопан Э. Реслером в первой половине 1890-х гг. [Ivanchik 2000, 209; 2001, 233, рис. 113]. В описании погребения – коллективной гробницы, сообщается, что на черепах двух из четырёх погребённых находились «остатки бронзового шлема», а на третьем – «остатки убора из листовой бронзы». Один из них, «шлем из листовой бронзы», упоминается и в перечне предметов из этого курга-

на [Kushnareva 1957, 137, 140, рис. 1]. План погребения крайне схематичен, так что соотносить изображенные на нём конические остроконечные шлемы с рассматриваемыми находками невозможно. В разрушенном кургане 3 (1893 г.) Арчадзора, Э. Реслер нашел остатки ещё одного бронзового шлема [Kushnareva 1957, 136], но все эти находки при имеющемся качестве документации не могут быть отождествлены с рассматриваемыми шлемами «киммерийского типа».

23. Публиковались и сведения о находке шлема вместе с деталями узды и упряжи, кинжалом и наконечниками двух копий в разрушенном кургане 1950 г. у Лермонтовского разъезда (Широкая балка) на горе Бештау близ Пятигорска. Шлем был утрачен, его тип остался неизвестным [Iessen 1954, 122; Kozenkova 1995, 98]. Вероятность того, что шлем мог являться изделием «киммерийского типа» велика, так как найденные здесь же бронзовые детали конского снаряжения соответствуют позднейшим формам предскифского материального комплекса [Dudarev 1999, 56, 166-167]. Тем не менее, учитывая, что железный кинжал-акинак из этих находок имеет типичные конструктивные признаки раннескифского вооружения [Murzin 1984, 74-75, рис. 28,1], нельзя исключать и того, что шлем мог оказаться литым экземпляром «кубанского типа» или какой-либо иной формы, характерной уже для памятников раннескифского времени. При разрушении кургана вполне могли быть смешаны материалы нескольких погребений.

24. Аналогичным образом можно интерпретировать и находку бронзового шлема в кургане 1895 г. у станции Махошевской в Закубанье. Шлем был утрачен, его тип остался неизвестным, но набор якобы найденных с ним вещей: детали конского снаряжения предскифского времени и наверхие с зооморфным изображением, которое относится к характерным

Рис. 5. Бронзовый «киммерийский шлем» (КШ-8) и «пектораль» (фото С.Б. Вальчака). 1- вид шлема; 2- фрагмент шлема, внутренняя сторона; 3- совмещение шлема и «пекторали»; 4- способ нанесения орнамента изнутри шлема (Born, Siedl 1995).

Fig. 5. Bronze "kimmerian helmet" (KH-8) and "pectoral" (S. Val'chak's photo). 1- a kind of a helmet; 2- a fragment of a helmet, the internal side; 3- overlapping of a helmet and "pectoral"; 4- a way of drawing of an ornament from within a helmet (Born, Siedl 1995).

формам раннескифского времени [Chernenko 1968, 81; Galanina 1985, 171]. Шлем вполне мог оказаться кованым «киммерийского типа» или литым экземпляром «кубанского типа». Комплекс находок у Махошевской нельзя считать достоверным, возможно и здесь был смешан материал нескольких погребений в кургане.

25. Существует вероятность находки остатков кованого шлема среди обломков бронзовых пластинок из находок не менее трёх разрушен-

ных погребений могильника в сел. Эшера близ Сухума в Абхазии [Ivaschenko 1935, 58-62]. Тип шлема неизвестен, источник этот крайне недо-стоверный.

Вопросы классификации, технологии и конструкции шлемов. Прежде чем представлять рассуждения и заключения о происхождении и датировке какой-либо категории археологических находок, следует определить базовые позиции их классификации или типологии. К сожалению, в прошедшие 25 лет, исследователи рассматриваемых кованых шлемов не уделяли этому вопросу должного внимания, но намного успешнее выстраивали разнообразные гипотезы об их истоках и дате.

Шлемом обычно называется вид защитного вооружения, головной убор, предохраняющий от действия холодного оружия [Voennyi 2002, 1604]. Согласимся и с мнением, что шлемом «называют всякое древнее металлическое наголовье независимо от того, к какому типу оно принадлежит» [Vinkler 1992, 276]. Если рассмотреть описанные целые и частично сохранившиеся кованые бронзовые экземпляры предскифского времени, то нет сомнения, что в них мы видим шлемы одного типа. Тип этот можно назвать коническим с округлой нижней частью тульи, не имеющим полей, козырька и назатыльника, с округло расширяющимися цельнокроеными наушами. Некоторые деталь-ные отличия между шлемами можно считать вариантными признаками, но для многоуровневой классификации данных пока недоста-точно. Характерная для рассматриваемых эк-земпляров деталь – наушы, иногда называется нащёчками [Belinskii 1990, 190; Ivanchik 2001, 234], но более корректным представляется наименование «науши», как традиционно на-зывалась деталь, защищавшая уши и скулы во-ина [Vinkler 1992, 89]. Нащёчники, оправдывая своё название, характерны для несколько более поздних античных шлемов, в которых иногда были специально моделированы и вырезы для ушей [Rabinovitch 1941, ris. 6; 7; 13; 16-18, tabl. XIV-XXI].

Технологический процесс изготовления можно считать дополнительным признаком вы-деленного типа, поскольку он одинаков у боль-шинства шлемов. Из раскованного бронзового листа (иногда двух) вырубалась вместе с науша-

ми выкройка-развёртка шлема. Толщина брон-зового листа обычно составляла 0,5-1 мм, лишь иногда доходя до 1,5-2 мм. По этому показателю «киммерийские шлемы» близки более поздним кованым греческим (античным) шлемам разных типов, толщина тульи которых составляла от «не более 1 мм» до 1,5-2 мм [Rabinovich 1941, 122, 142], а на моделированных участках лицевой, затылочной и боковых частей обычно превы-шала эти параметры. Толщина же литых шлемов Урарту и Ассирии находилась в пределах от 1 до 3,5 мм, иногда достигая и 4 мм [Born, Siedl 1995, Tabl. I, II], а литых скифских «кубанского типа» – в пределах от 2 до 3-3,5 мм, иногда достигая 4 мм [Rabinovich 1941, 107-114]. Края бронзово-го листа «киммерийских шлемов», соединялись внахлёт и скреплялись четырьмя-пятью брон-зовыми скобами, а не были «прошиты бронзо-вой тесьмой», как предполагали некоторые ис-следователи [Kuftin 1949, 141; Ivanchik 2001, 230]. Технология скрепления хорошо реконструирует-ся по фрагментам некоторых шлемов (Заюково – №9, КШ-8 – №18), с небольшими различиями в количестве и размерах скоб, она одинакова у большинства экземпляров (рис. 2,6; 5,2). Исключе-ние составляют шлемы из Фаскау и Заюково (№№7, 10), а также КШ-1 (№11), которые скре-плены несколькими заклёпками, а не скобами. Кроме того, у шлема из Фаскау (№7) необычным образом сконструирована и вершина тульи, с использованием третьей пластины. Скрепление бронзовых пластин при помощи заклёпок явля-ется распространённым технологическим при-ёмом в эпоху бронзы и начале раннего железного века, в частности, при изготовлении бронзовой посуды кобанской культуры Северного Кавказа [Kozenkova 1998a, 109]. Но соединение частей бронзового листа скобами в каком-либо изде-лии является для всей Восточной Европы и За-кавказья новационным признаком технологии позднейшего предскифского времени, который встречен пока только на шлемах. Окончательный объём тульи и её рельеф формировался выколот-кой изнутри по уже скреплённому полуфабрика-ту. Затем края тульи и наушей обрабатывались абразивным камнем, удаляя неровности. После этого снаружи по венцу и на наушах пробива-лись отверстия для крепления подшлемника. В тех редких случаях, когда шлемы имеют орна-мент (Клин-Яр, КШ-6 – №№4, 16), он выполнен

изнутри уже готового шлема, возможно способом (рис. 2,1; 4,3), который был предложен исследователями для переднеазиатских литых изделий [Born, Siedl 1995, 127, 128, Abb. 98] (рис. 5,4). Сам же этот орнамент, скорее всего, является подражанием чеканным многофигурным фризам на литых переднеазиатских шлемах [Piotrovskii 1955, 26; Esaian 1986, 27-31, Tabl. XIV-XVIII].

Довольно частым, но не обязательным признаком является наличие на многих шлемах нескольких отверстий в средней части тульи и под ними, у её края (Фаскау, Клин-Яр, Нарзан-2, КШ-1, 3, 5, 6 – №№1, 4, 6, 7, 11, 13, 15, 16). Эти отверстия пробиты с внешней стороны уже готовых шлемов, иногда пробивают уже имеющийся шов, не совпадают с рядом отверстий для подшлемника на венце. Вполне вероятно, что они служили для крепления какого-либо предмета, аппликации (из органических материалов?) на фронтальной поверхности шлема. В этом случае здесь могли быть расположены какие-либо знаковые фигуры, подобные рельефным «четырёхзубцам», или «дуговидным змеям» на литых урартских шлемах, или чего-либо подобного [Piotrovskii 1955, 24-26, ris. 16; Esaian 1986, 27-32, Tabl. XIII, XIX, XX; Born, Siedl 1995, Abb. 1, 27, 40, 85, 96, Taf. I, II, IV]. Можно очень осторожно предположить, учитывая обстоятельства совместной находки КШ-8 и «пекторали», совпадения на них отверстий для крепления, что таким предметом могла быть и она (рис. 5,3). Если вспомнить сходное положение шлема и «пекторали» в Нарзанном-2 (№6), то данные факты могут в корне изменить наши представления о назначении «пекторалей» [Belinskii, Dudarev 2013, 202-204, ris. 3; 4; 16; 19]. В этом случае, предположение о том, что довольно тонкие шлемы служили не столько для защиты, сколько для обозначения социального статуса воина, являлись парадным головным убором вероятного участника киммерийских рейдов [Val'chak, Skakov 2003, 118], может найти дальнейшее подтверждение.

В связи с изложенным выше, вызывает интерес вопрос о фронтальной (лицевой) и тыльной сторонах шлемов, которые рельефно не отличаются в профиле. Некоторые исследователи считают, что два отверстия в средней части тульи шлема из Нарзанного-2 (№6) располагались «на затылочной части» [Belinskii, Dudarev 2013,

188, ris. 17; 18], следовательно, фронтальной частью они считают сторону, где расположен шов и скобы. Вроде бы логично, именно этот участок шлема оказывается несколько толще и прочнее остальных. Дополнительные отверстия на линии шва или рядом с ним находились у шести шлемов: из Клин-Яра (1987 г.), двух из Фаскау, КШ-3, 6 и 8 (№№1, 4, 7, 13, 16, 18). Сомнительно также, чтобы головы «гвери» на орнаменте КШ-6 (одна из них перекрывает шов) были обращены к тыльной части шлема. Вертикальный рельефный шов на шлемах киммерийского типа, впрочем, вполне мог подражать аналогично расположенному рельефному выступу на лицевой стороне многих литых шлемов Урарту. Но, аналогичные парные отверстия были расположены и на противоположной шву (гладкой) стороне трёх шлемов: из Нарзанного-2, КШ-1 и КШ-5 (№№6, 11, 15). Если исходить из гипотезы о креплении на поверхности шлема каких-либо накладных украшений или деталей, то отверстия должны были бы находиться на лицевой стороне. Представляется, что фронтальная и тыльная стороны произвольно определялись мастером или заказчиком кованого шлема при его декорировке.

Возможность говорить подробнее о других шлемах, информация о которых фрагментарна, отсутствует. Технология изготовления шлема из Бешташени неясна. Гипотеза об идентичности с другими экземплярами подкрепляется лишь мнением Б.А. Куфтина, который при сопоставлении этого шлема с находками из Фаскау и Приморского, вообще не рассматривал вопрос технологии [Kuftin 1941, 68; Ivanchik 2001, 233]. На фотографии шлема, выше венца, вроде бы, различим либо довольно широкий горизонтальный рельефный уступ, либо край одной из формирующих шлем пластин [Kuftin 1941, Tabl. XL], что было повторено и в рисунке, но никак не прокомментировано А.И. Иванчиком, осматривавшим фрагменты шлема [Ivanchik 2000, ris. 4,20; 2001, 232, ris. 78,21; Ivanchik, Moshinskii 2001, 300, Fig. 6,20]. Эти обстоятельства заставляют сомневаться в однозначном отнесении шлема из Бешташени к выделенному типу, хотя по форме тульи и наушей он похож на другие известные экземпляры.

Вопросы происхождения и хронологии. Контекст находок со шлемами из Клин-Яра и

Нарзанного-2 даёт возможность отнести эти погребения к кобанской культуре Северного Кавказа, соотнести комплексы с позднейшим, «классическим новочеркасским» этапом предскифского периода, который может быть датирован в рамках последней четверти – конца VIII – первой половины VII в. до н.э. [Erlikh 2007, 178-187; Dudarev 2011, 142; Belinskii, Dudarev 2013, 210-212]. Большинство известных шлемов лишены контекста, но то немногое, что имеется, подтверждает аналогичную датировку перекрёстными аналогиями в десятках закрытых погребальных комплексах позднего предскифского времени. Например, многокружковая бронзовая бляшка-лунница в контексте КШ-2 [Tarasova 2006, 242-244, 247, Tabl. 7] и «пектораль» из бронзового листа, найденная вместе с КШ-8 [Val'chak, Skakov 2003, 114-122].

Сходство формы рассматриваемых шлемов с переднеазиатскими экземплярами отмечалась давно [Uvarova 1900, 276-277; Rabinovich 1941, 105; Piotrovskii 1944, 308; 1955, 26; Chernenko 1968, 150; Voronov 1980, 207-208; Galanina 1985, 180-181], в этом не сомневается и большинство современных исследователей, определённо считающих форму предскифских кованых шлемов зависимой от прототипов из Урарту и Ассирии. Исследователи связывают их появление с военными действиями киммерийцев в Передней Азии, датируя это событие (согласно своим концепциям) различно, но обычно в рамках VIII – первой половины VII, чаще не ранее двух последних десятилетий VIII в. до н.э. [Belinskii 1990, 195; Dudarev 1991, 51-54; 1995, 31-33; 2011, 134-145; Erlikh 1991, 39; 1992, 177-179; 1994, 64-65, 83-85; 2007, 190-191; Alekseev 1992, 82-83; 2003, 145; Polin 1998, 53-54; Skoryi 1999, 52-56; Val'chak, Skakov 2003, 118-119].

Существуют и другие точки зрения на вопрос появления кованых шлемов на Кавказе. В.И. Козенкова, не отрицая привнесённый характер «ассирийских шлемов», высказала справедливое соображение, что появились они в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа «значительно раньше, чем скифские элементы», но последовательно и бездоказательно датирует это событие «от 888 г. до н.э. и позднее», «не позднее рубежа VIII-VII вв. до н.э.», затем связав этот факт с некими «внутренними региональными взаимодействиями военного

характера конца IX – первой половины VIII в. до н.э.» [Kozenkova 1995, 98; 1998a, 53], что отчасти совпадает с позициями А.Ю. Алексева и С.В. Полина, высказанными в упомянутых выше работах. Намного более радикальна концепция А.И. Иванчика, вообще отрицающего связь предскифских памятников юга Восточной Европы и Северного Кавказа с историческими киммерийцами, соответственно и заимствование местным населением формы рассматриваемых шлемов в период походов конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Опорой исследователю служит погребение 13 могильника Бешташени, где был найден похожий шлем, датированное исследователем XIII-XII вв. до н.э., а также синхронизированные с ним курганы Арчадзора, со шлемами неясной формы [Ivanchik 2001, 160, 232-239]. В разное время предлагались различные варианты датировок этих комплексов от XIV до VIII-VII вв. до н.э. [Kuschnareva 1957, 165-166, 177; Voronov 1980, 207-208; Polin 1998, 54; Ivanchik 2000, 207-210; Pogrebova 2011, 137, 147-148] и сегодня опора на них не может считаться убедительным аргументом, по крайней мере, до более-менее убедительной синхронизации комплексов многочисленных археологических культур периода финальной бронзы – раннего железного века Закавказья. Следовательно, апеллировать к неким мифическим военным контактам, приведшим к появлению шлемов «киммерийского типа» ранее начала военных рейдов киммерийцев во время правления Русы I в Урарту (730-714 гг. до н.э.) или Саргона II в Ассирии (721-705 гг. до н.э.) преждевременно. На основании изучения письменных источников, для факта поражения армии Русы киммерийцами была предложена дата – 714 г. до н.э. [Ivanchik 1996, 23-28, 50, 161], которая вполне согласуется с мнением большинства археологов, исследующих предскифские («классические новочеркасские») комплексы юга Восточной Европы (напр., см. с библиогр.: [Dudarev 2011, 134-145; Belinskii, Dudarev 2013, 181-216]).

Следует отметить и тот факт, что предпринимаемые исследователями попытки поиска детального соответствия рассматриваемых шлемов с переднеазиатскими изображениями оказались не очень продуктивным. Сходство их общей формы очевидно, но точного соответствия в деталях, например, в форме наушей на приво-

димых изображениях нет [Belinskii 1990, ris. 2,3; Dudarev 2011, ris. 4-13]. Обоснованным следует считать суждение, что изображения шлемов на рельефах «позволяют лишь подтвердить их соответствие по форме и времени существования» [Belinskii 1990, 195]. Информативность реальных вещей и их изображений может быть разной, а технологическая разница в изготовлении литых и кованых изделий неизбежно отражалась на точности копирования формы предметов из листовой бронзы сравнительно с их литыми прототипами [Val'chak, Skakov 2003, 118]. Но, например, профилировка места соединения цельнокроенных наушей и тульи на двух шлемах (КШ-3 и 7 – №№13 и 17) явно свидетельствует об их подражательности изделиям с отдельным скреплением этих деталей (рис. 3,7; 4,4).

О заимствовании населением Кавказа не столько самих вещей переднеазиатского происхождения, сколько их образных и конструктивных «идей», к которым относятся шлемы, цельнолитые уздечные комплекты и другие категории находок, уже приходилось говорить некоторым исследователям [Erlikh 1992, 177-179; Val'chak 1993, 27-28; Val'chak, Erlikh 1993, 18-19]. Эти «идеи» творчески перерабатывались и воплощались на базе северокавказских производственных центров кобанской и соседних культур сообразно их богатым традициям и технологическим навыкам, эстетическим вкусам местного населения. Вкусы и запросы населения, технологические приёмы мастеров изменялись во времени, подвергаясь внешним влияниям и обстоятельствам, соответственно, изменялись формы и набор используемых вещей. Абсолютное сходство формы и технологии изготовления большинства из «киммерийских шлемов» Северного Кавказа свидетельствует не в пользу определения периода их существования на протяжении 1–1,5 столетий и более, как это представляется некоторым

исследователям [Ivanchik 2000, 214-215; 2001, 234, 238]. Ранее справедливо отмечалось, что рассматриваемые шлемы «существовали непродолжительное время, не оставив традиций в кавказском защитном вооружении» [Belinskii 1990, 195], как и многие другие категории материальной культуры населения предскифского времени. Тотальная замена основных категорий воинско-всаднического вещевого комплекса иными их формами, не имевшими традиции в регионах юга Восточной Европы, может быть связана только с неким экстраординарным событием. Таким событием могло быть появление скифов, повлекшее кардинальные изменения в жизни восточноевропейского населения. Единственно сравнимым, качественно и количественно, воинско-всадническим материальным комплексом с «жаботинским» и «келермесским», считающимися соответствующими ранним скифам, является непосредственно предшествующий им комплекс вооружения и конского снаряжения позднейшего, «классического новочеркасского» этапа предскифского периода. Основа этого комплекса во многом сформировалась на традициях и производственной базе кобанской и протомеотской археологических культур Северного Кавказа. Следовательно, «классический новочеркасский» комплекс может быть отождествлён с историческими киммерийцами. Именно к этому хронологическому этапу большинство исследователей относят появление целого ряда новаций в культуре восточноевропейского населения, в том числе и рассмотренные выше «киммерийские шлемы». Время их существования, таким образом, определяется периодом в неполные 40 лет между 714 г. до н.э. – первым упоминанием киммерийцев, и 780-776 гг. до н.э. – первым упоминанием скифов переднеазиатскими источниками [Ivanchik 1996, 27, 82]. Другие версии представляются мне менее вероятными.

Библиография

- Alekseev 1992:** А.И. Alekseev, Skifskaja khronika (Skify v VII-IV vv. do n.e. istoriko-arkheologicheskii ocherk) (Sankt-Petersburg 1992) // А.Ю. Алексеев, Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк) (Санкт-Петербург 1992).
- Alekseev 2003:** А.И. Alekseev, Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII-IV vekov do n.e.) (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Belinskii 1990:** А.В. Belinskii, K voprosu o vremeni poavleniia shlemov assiriiskogo tipa na Kavkaze. SA 4, 1990,

190-195 // А.Б. Белинский К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе. СА 4, 1990, 190-195.

Belinskii, Dudarev 2013: A.B. Belinskii, S.L. Dudarev, Bogatoe pogrebenie so shlemom assiriiskogo tipa iz mogil'nika Narzannyi-2. In: (ed. A.B. Belinskii) Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza. Выр. XI. Arkheologiia, kraevedenie, muzevedenie (Moskva 2013), 181-216 // А.Б. Белинский, С.Л. Дударев, Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2. В сб.: (гл. ред. А.Б. Белинский) Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение (Москва 2013), 181-216.

Berezin, Dudarev 1999: J.B. Berezin, S.L. Dudarev, Neue praskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien. Eurasia Antiqua. Bd. 5, 1999, 179-216.

Born, Seidl 1995: H. Born, U. Seidl, Schutzaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung Axel Guttman. Bd. IV (Mainz am Rhein 1995).

Chernenko 1968: E.V. Chernenko, Skifskii dospek (Kiev 1968) // Е.В. Черненко, Скифский доспех (Киев 1968).

Dudarev 1991: S.L. Dudarev, Iz istorii sviazei naseleniia Kavkaza s kimmeriisko-skifskim mirom (Groznyi 1991) // С.Л. Дударев, Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром (Грозный 1991).

Dudarev 1995: S.L. Dudarev, K probleme vzaimodeistviia plemen Severnogo Kavkaza s rannimi kochevnikami v predskifskuiu epokhu (Armavir 1995) // С.Л. Дударев, К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (Армавир 1995).

Dudarev 1999: S.L. Dudarev, Vzaimootnosheniia plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Iugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuiu epokhu (Armavir 1999) // С.Л. Дударев, Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (Армавир 1999).

Dudarev 2011: S.L. Dudarev, K voprosu o khronologii assiriiskikh shlemov s ostrokonechnoi tul'ei i ikh kavkazskikh podrazhanii. In: (ed. V.B. Vinogradov) Sbornik nauchnykh rabot S.L. Dudareva (Moskva 2011), 134-145 // С.Л. Дударев, К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний. В сб.: (отв. ред. В.Б. Виноградов) Сборник научных работ С.Л. Дударева (Москва 2011), 134-145.

Dudarev 2011a: S.L. Dudarev, Blesk i gorech drevnei bronzy (o novykh nakhodkakh u seleniia Zaiukovo). In: (ed. V.B. Vinogradov) XVI-e chteniia po arkheologii Srednei Kubani (Armavir 2011), 9-20 // С.Л. Дударев, Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково). В сб.: (отв. ред. В.Б. Виноградов) XVI-e чтения по археологии Средней Кубани (Армавир 2011), 9-20.

Erlikh 1991: V.R. Erlikh, Bronzovye uzdechnye nabory i problema khronologii kompleksov predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakuban'ia. In: (ed. A.P. Abramov) Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Moskva 1991), 31-47 // В.Р. Эрлих, Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии комплексов предскифского и раннескифского времени Закубанья. В сб.: (отв. ред. А.П. Абрамов) Древности Северного Кавказа и Причерноморья (Москва 1991), 31-47.

Erlikh 1992: V.R. Erlikh, O vremeni poiavleniia i karaktere "vostochnykh" elementov v culture Severnogo Kavkaza kontsa VIII – pervoi poloviny VII vv. do n.e. In: (ed. V.M. Masson) Severnaia Evraziia ot drevnosti do srednevekov'ia. Tezisy konferentsii (Sankt-Petersburg 1992), 177-179 // В.Р. Эрлих, О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII – первой половины VII вв. до н.э. В сб.: (отв. ред. В.М. Массон) Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции (Санкт-Петербург 1992), 177-179.

Erlikh 1994: V.R. Erlikh, U istokov ranneskifskogo kompleksa (Moskva 1994) // В.Р. Эрлих, У истоков раннескифского комплекса (Москва 1994).

Erlikh 2007: V.R. Erlikh, Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznoogo veka. Protomeotskaia grupa pamiatnikov (Moskva 1997) // В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников (Москва 2007).

Esaiian 1986: S.A. Esaiian, Dospek Drevnei Armenii (Erevan 1986) // С.А. Есаян, Доспех Древней Армении (Ереван 1986).

Galanina 1985: L.K. Galanina, Shlemy kubanskogo tipa (voprosy khronologii i proiskhozhdeniia). In: (ed. V.M. Masson) Kul'turnoe nasledie Vostoka (Leningrad 1985), 169-183 // Л.К. Галанина, Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). В сб.: (ред. В.М. Массон) Культурное наследие Востока (Ленинград 1985), 169-183.

Ivanchik 1996: A.I. Ivanchik, Kimmeriitsy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII-VII vekakh do n.e. (Moskva 1996) // А.И. Иванчик, Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII веках до н.э. (Москва 1996).

- Ivanchik 2000:** A.I. Ivanchik, O tak nazyvaemykh "perednevostochnykh" shlemakh, naidennykh na Kavkaze. In: (ed. V.S. Ol'khovskii) Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Moskva 2000), 203-225 // А.И. Иванчик, О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе. В сб.: (отв. ред. В.С. Ольховский) Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (Москва 2000), 203-225.
- Ivanchik 2001:** A.I. Ivanchik, Kimmeriitsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni. Stepnye narody Evrazii. T. II (Moskva 2001) // А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Т. II (Москва 2001).
- Ivanchik, Moshinskii 2001:** A.I. Ivanchik, A. Moshinskii, Two Bronze North-Caucasian Helmets from the State Historical Museum (Moscow). Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol.7, No.3-4, 2001, 287-305.
- Ivaschenko 1935:** M.M. Ivashchenko, Issledovanie arkhaiskikh pamiatnikov material'noi kul'tury v Abkhazii. In: Izvestiia NII kavkazovedeniia 3 (Tiflis 1935), 53-67 // М.М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. В сб.: Известия НИИ кавказоведения 3 (Тифлис 1935), 53-67.
- Iessen 1954:** A.A. Iessen, Nekotorye pamiatniki VIII-VII vv. do n.e. na Severnom Kavkaze. In: (ed. D.B. Shelov) Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1954), 112-131 // А.А. Иессен, Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. В сб.: (отв. ред. Д.Б. Шелов) Вопросы скифо-сарматской археологии (Москва 1954), 112-131.
- Kozenkova 1995:** V.I. Kozenkova, Oruzhie, voinskoe i konskoe snariazhenie plemen kobanskoi kul'tury (sistemizatsiia i khronologiya). Zapadniy variant. SAI V2-5 (Moskva 1995) / В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ В2-5 (Москва 1995).
- Kozenkova 1998:** V.I. Kozenkova, Material'naiia osnova byta kobanskikh plemen. SAI V2-5 (Moskva 1998) // В.И. Козенкова, Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. САИ В2-5 (Москва 1998).
- Kozenkova 1998a:** V.I. Kozenkova, Kobanskii drevnosti v maloizvestnykh evropeiskikh sobraniakh. Mezhdunarodnye XX "Krupnovskie chteniia" po arkheologii Severnogo Kavkaza (tezisy dokladov). Zheleznovodsk, 1998 (Stavropol 1998), 52-53 // В.И. Козенкова, Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях. Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Железноводск, 1998 (Ставрополь 1998), 52-53.
- Kuftin 1941:** B.A. Kuftin, Arkheologicheskie raskopki v Trialeti. T. I (Tbilisi 1949) // Б.А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети. Т. I (Тбилиси 1941).
- Kuftin 1949:** B.A. Kuftin, Materialy k arkheologii Kolkhidy. T. I (Tbilisi 1941) // Б.А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды. Т. I (Тбилиси 1949).
- Kushnareva 1957:** K.Kh. Kushnareva, Nekotorye pamiatniki epokhi pozdnei bronzy v Nagornom Karabakhe. SA XXVII, 1957, 135-177 // К.Х. Кушнарёва, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА XXVII, 1957, 135-177.
- Makhortykh, Chernenko 1995:** S.V. Makhortykh, E.V. Chernenko, O kavkazskikh "pektoralakh" VIII-VII vv. do n.e. RA 2, 1995, 21-28 // С.В. Махортых, Е.В. Черненко, О кавказских «пекторалях» VIII-VII вв. до н.э. РА 2, 1995, 21-28.
- Murzin 1984:** V.Iu. Murzin, Skifskaiia arkhika Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1984) // В.Ю. Мурзин, Скифская архаика Северного Причерноморья (Киев 1984).
- Pogrebova 2011:** M.N. Pogrebova, Istoriia Vostochnogo Zakavkazi'a. Vtoraia polovina II – nachalo I tys. do n.e. (Moskva 2011) // М.Н. Погребова, История Восточного Закавказья. Вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (Москва 2011).
- Piotrovskii 1944:** B.V. Piotrovskii, Istoriia i kul'tura Urartu (Erevan 1944) // Б.В. Пиотровский, История и культура Урарту (Ереван 1944).
- Piotrovskii 1955:** B.V. Piotrovskii, Karmir-Blur. III. Rezul'taty raskopok 1951-1953 godov (Erevan 1955) // Б.В. Пиотровский, Кармир-Блур. III. Результаты раскопок 1951-1953 годов (Ереван 1955).
- Polin 1998:** S.V. Polin, O khronologii ranneskifskoi kul'tury (po I.N. Medvedskoi). RA 4, 1998, 50-63 // С.В. Полин, О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской). РА 4, 1998, 50-63.
- Rabinovich 1941:** B.Z. Rabinovich, Shlemy skifskogo perioda. In: (ed. A.A. Iessen) Trudy otdela istorii pervobytnoi kul'tury. T. I. (Leningrad 1941), 99-171 // Б.З. Рабинович, Шлемы скифского периода. В сб.: (отв. ред. А.А. Иессен) Труды отдела истории первобытной культуры. Т. I (Ленинград 1941), 99-171.
- Skoryi 1999:** S.A. Skoryi, Kimmeriitsy v Ukrainskoi lesostepi (Kiev-Poltava 1999) // С.А. Скорый, Киммерийцы

в Украинской лесостепи (Киев-Полтава 1999).

Strazhev 1926: V.I. Strazhev, Bronzovaia kul'tura v Abkhazii. In: *Izvestiia Abkhazskogo nauchnogo obshchestva* 4 (Sukhum 1926), 98-120 // В.И. Стражев, Бронзовая культура в Абхазии. Известия Абхазского научного общества 4 (Сухум 1926), 98-120.

Tarasova 2006: N.V. Tarasova, klassifikatsiia i khronologiiia ukrashenii-lunnits predskifskogo perioda. In: (ed.: V.G. Petrenko, L.T. Iablonskii) *Drevnosti skifskoi epokhi* (Moskva 2006), 237-261 // Н.В. Тарасова, Классификация и хронология украшений-лунниц предскифского периода. В сб.: (отв. ред. В.Г. Петрено, Л.Т. Яблонский) *Древности скифской эпохи* (Москва 2006), 237-261.

Uvarova 1900: P.S. Uvarova, Mogil'niki Severnogo Kavkaza. Materialy po arkheologii Kavkaza. T. VIII (Moskva 1900) // П.С. Уварова, Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII (Москва 1900).

Val'chak 1993: S.B. Val'chak, O nekotorykh tsel'nolitykh uzdechnykh komplektakh predskifskogo vremeni na iuge Vostochnoi Evropy. Grakovskie chteniia na kafedre arkheologii MGU 1989-1990 gg. Materialy seminara po skifo-sarmatskoi arkheologii (Moskva 1993), 23-29 // С.Б. Вальчак, О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии (Москва 1993), 23-29.

Val'chak, Erlikh 1993: S.B. Val'chak, V.R. Erlikh, Eshche raz o kompleksakh tipa Novoчеркасского klada. Vtoraia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (Krasnodar 1993), 17-19 // С.Б. Вальчак, В.Р. Эрлих, Ещё раз о комплексах типа Новочеркасского клада. Вторая Кубанская археологическая конференция (Краснодар 1993), 17-19.

Val'chak, Skakov 2003: S.B. Val'chak, A.Iu. Skakov, Digorskie "pektorali" predskifskogo perioda. RA 3, 2003, 114-122 // С.Б. Вальчак, А.Ю. Скаков, Дигорские «пекторали» предскифского периода. РА 3, 2003, 114-122.

Vinkler 1992: P. von Vinkler, Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniiu i izobrazheniiu ruchnogo oruzhiia s drevneishikh vremen do nachala XX veka (Moskva 1992) // П. фон Винклер, Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времён до начала XIX века (Москва 1992).

Voennyi 2002: Voennyi entsiklopedicheskii slovar' (Moskva 2002) // Военный энциклопедический словарь (Москва 2002).

Voronov 1980: Iu.N. Voronov, o khronologicheskikh svyaziakh kimmeriisko-skifskoi i kolkhidskoi kul'tur. In: (ed. A.I. Terenozhkin) *Skifiia i Kavkaz* (Kiev 1980), 200-218 // Ю.Н. Воронов, О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. В сб.: (отв. ред. А.И. Тереножкин) *Скифия и Кавказ* (Киев 1980), 200-218.

Сергей Вальчак, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук. Россия, 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: valchaks@yandex.ru